

Илона Броницкая

16+

Наше вам
с кисточкой,
босс!

Илона Броницкая

Наше вам с кисточкой, босс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64098406

SelfPub; 2022

Аннотация

Для кого-то "увидеть Париж и умереть" – просто красивые слова, а для моей матери – мечта всей жизни и последнее желание перед смертью. Я хотела заработать на эту поездку любимым делом, но времени осталось совсем мало. Теперь, чтобы мама успела сфотографироваться на фоне Эйфелевой башни, я устраюсь в офис крупной компании. И пускай коллеги-стервы плетут интриги, а начальник совсем не верит в мой профессионализм. Они ещё не знают, на что способны московские художницы ради высоких целей! Так что “наше вам с кисточкой, босс!”

Содержание

Глава 1. Тёплое приветствие	4
Глава 2. Белая ворона	13
Глава 3. Первый заказ	22
Глава 4. Полезные сплетни	31
Глава 5. Меркулов Антон Павлович	41
Глава 6. Огурцы и подушки. Снова	52
Глава 7. Портрет на Рублёвке	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Илона Броницкая

Наше вам с кисточкой, босс

Глава 1. Тёплое приветствие

– Понаехали тут, – противно пропищала женщина, напоминая жабу, и пихнула меня локтём. – Мёдом вам тут намазано, что ли? Летите как мухи! Не протолкнётся уже!

"Мухи летят не только на мёд," – подумала я, но вслух ничего не сказала.

Насекомым в понимании неприятной тётки я на самом деле не была. Если, конечно, лимитой не считать жительницу Бибирево в третьем поколении. Хотя согласна, на современную москвичку я не походила совсем. Ещё в университете влилась в компанию ребят, увлекающихся хендмейдом. Нравилось мне раскраивать себе мешковатые платья, вышивать узоры на сумках и плести яркие браслеты. Одежда из сетевых магазинов казалась безликой и одинаковой, а те редкие вещи, на которые падал глаз, стоили целое состояние. Нет, свободный художник не может позволить себе сумочку за пятнадцать тысяч. Зато самодельный аналог, отличающийся только отсутствием бирки с громким названием фирмы – вполне. Мы даже шутили, что могли бы продавать свои творения. Однако до сих пор ограничивались только помо-

шью друг другу.

Моё платье сшила Ленка Переверзева, а сумку из обрезков синей кожи Анютка. Раздобыла в лавке букиниста раритетное издание с орнаментами народов мира. Наупражнялась, вышивая их на тканюшке, и в итоге моя самая-самая любимая сумка обзавелась ярким “фасадом”. Я могла бы лекцию в институте искусств читать, используя её, как наглядное пособие. А что? Анютка все уши прожужжала. Я потом неделю коловрат на полях тетрадок рисовала. Вот как такое не носить с гордо поднятой головой?

Хотя мама первое время и пыталась наставить меня на путь истинный. Покупала правильную “офисную” одежду, едва появится лишняя копейка, намекала, что в таком клоунском виде меня не воспринимают всерьёз. “Бусинки какие-то, кружева, перья. Лён твой вечно мятый”. Но быстро сдалась. Махнула рукой. “Такая же не от мира сего, каким был твой отец. Чему удивляться? От осинки не родятся апельсинки!”

Апельсинки из меня действительно не получилось. Но теперь я старательно под неё мимикрировала. Нет, одежду не сменила. Только вспомнила всё, что знала о новой работе. Без кисточки в руках и карандаша за ухом становилось неуютно. Я мужалась.

Из метро выходила уже в самом боевом настроении. Офис “Арт-Строй” находился в центре города. Я представить боялась, сколько стоит аренда такого здания.

– Чего стоим? – возмутилась всё та же жаба, обходя меня. – Зелёный горит.

Я опомнилась. Засмотрелась на стеклянное чудо архитектуры и чуть не пропустила разрешающий сигнал светофора. Офис моего работодателя располагался в тонкой, как игла, свечке. Не знаю, сколько в ней было этажей. Много. Фантазия рисовала лифт, который бегал вдоль иглы, как бусинка по тонкой нитке. Написать бы его акварелью с натуры, но этюдник я сегодня оставила дома. Да и серая краска закончилась. Серая и скучная, как вся моя жизнь на ближайшие полгода.

Швейцар на входе не стоял, но дверь мне придержал охранник. На ресепшене всех встречала милостивая блондинка в платье-футляре, обтягивающем фигуру. Я поморщилась. Надеюсь, от меня не потребуют носить нечто подобное.

– Добрый день, – заученно улыбнулась она. – Я могу вам чем-то помочь?

– Добрый, – мужественно согласилась я. – Мне нужно попасть в отдел кадров.

– Алина Валерьевна? – уточнила девушка, вытащила из папки листок бумаги и протянула его мне. – Вам нужно на десятый этаж, там будет указатель, так что не заблудитесь.

– Спасибо, – сказала я и пошла к лифтовому холлу.

Лифт был чуть менее интересный, чем я представила. Стеклопанельные двери, горящие разными цветами кнопки и классическая музыка. Меня от неё клонило в сон. Я зевнула

и поймала насмешливый взгляд незнакомого мужчины.

Высокий, будто фонарный столб, но при этом широкий в плечах. Жгучий брюнет. Такой жгучий, что чем-то походил на итальянца. Я смутилась под его изучающим взглядом. Уставился, будто спьяну забрёл в сувенирную лавку Тоши и задался вопросом: “А что курил автор?” Да, мои сшитые по последней хендмейд моде полусапожки были сильно дешевле, чем его туфли. Боже, Луи Вуитон? Нет? Ай, я не умела на глаз отличать Гуччи от Дольче и Габбаны. Какой-то бренд. И пиджак тоже не в провинциальном ателье сшитый, как и весь остальной наряд. Мистер Большие Деньги, повелитель банковских счетов и заветная мечта блондинки с ресепшен. “Как бы так от него залететь и восемнадцать лет получать алименты? Когда там ближайший корпоратив?”

Меня разобрал смех, и я закрыла рот ладонью.

– Вы считаете поездки в лифте забавными?

Мамочки, какой голос! Бархатистый, вкрадчивый и одновременно пробирающий до костей. Мистер Тугой Кошелёк ещё и весьма секси. Конечно, если его влечение выдерживает испытание ненормированным рабочим днём, сотни деловых поездок в год и лёгкую бессонницу с хронической усталостью. Шикарные мужчины только в фильмах обращают внимание на женщин. В жизни они заняты работой.

– Анекдот вспомнила, – выдала я любимое оправдание. – Смешной очень.

“Ехал однажды миллионер в лифте с безработной худож-

ницей...”

Я снова чуть не рассмеялась. Почему-то в ситуациях, когда нужно оставаться серьёзной, мне всегда хотелось хохотать. Вот и под внимательным взглядом незнакомца веселье лезло из всех щелей.

– Поделитесь? – он слегка склонил голову набок.

– Нет, конечно, – я округлила глаза и понизила голос. – Он крайне неприличный.

Ответить красавец из чьих-то ночных фантазий не успел бы при всём желании. Двери лифта распахнулись, и я пулей вылетела на десятый этаж. Лицо горело. И что на меня нашло? Я что, сейчас заигрывала с пафосным мажором? Ох, плохо на меня влияет попытка влезть в рамки нормальности. Но выбора ведь нет.

В отделе кадров меня ждал очередной щёголь в дорогом костюме. Он копался в каких-то бумагах, но ради меня отвлёкся.

– Вы от Антона Павловича?

– Да, – кивнула я смущённо.

– Прекрасно, – он поджал губы и указал мне взглядом на стул. – Присаживайтесь. Мы подготовили договор. Почитаете, подумаете. Если всё устроит, подпишем и будем знакомиться с непосредственным начальством. Устав читали? Или тоже достать?

Кадровик аккуратно положил передо мной довольно толстую стопку.

– Не нужно, – я покачала головой.

Трудовой договор у “Арт-Строй” был увесистый. Я особенно не вчитывалась. Мелкого шрифта не заметила, а в хитросплетениях формулировок всё равно не разбиралась. Меня интересовал только пункт, касающийся заработной платы. Цифры в нём устроили меня полностью! Так что подписала бумаги я очень быстро. Даже то, что здесь называлось окладом, мне было сложно заработать, продавая картины. А уж премиальные за проект сулили близкое окончание офисного рабства.

“Всё ради тебя, мама, – мысленно повторяла я. – ради твоей мечты”.

– Что ж, если нет вопросов, то передаю вас в руки непосредственного руководителя, – щёлкнула сгрёб бумаги и поставил папку на полку в шкафу. – Марина Зарецкая, руководитель всех проектов, связанных с дизайном интерьеров. Ведущий специалист и настоящий профессионал. Попасть к ней – счастье. Без преувеличения скажу, что это практически трамплин в успешную карьеру. Но вы и так в курсе, наверное. Обычно у нас испытательный срок длится три месяца, а для вас сделали исключение. Две недели стажировки и “к станку”. Удачи, Алина.

– Удача мне пригодится, – ответила я. – Проводите до кабинета?

Он тяжело вздохнул, но хамить не стал. Не принято в такой среде людей посылать прямым текстом. Только намёка-

ми, только завуалированно. Высококультурно, ага.

Гениальный дизайнер и моя непосредственная начальница работала на восьмом этаже, так что нам пришлось спускаться на лифте. Я боялась, что снова увижу там мажора-незнакомца, но пронесло. Офис огромный. Два раза с одним и тем же человеком можно несколько месяцев не встречаться при должной доле везения.

– Вы будете обитать где-то тут, – не слишком уверенно заметил кадровик, пропуская меня вперёд. Джентльмен московского разлива. – Вот, передаю вас Марине Эдуардовне.

Он открыл для меня дверь и впустил внутрь. Госпожа Зарецкая оказалась очень красивой рыжей женщиной лет тридцати. Никаких морщин и неровностей на белой коже. Губы алые, глаза зеленющие. Облако дорогого парфюма тянулось за ней шлейфом, а каблук сопровождал каждый шаг барабанной дробью.

– Что на вас надето, милочка? – с порога возмутилась она. – Творческая личность, значит? Вот что я скажу по этому поводу. Самовыражайтесь в результатах работы, а не в количестве порванных шаблонов у окружающих. Документы при устройстве на работу подписали? Обязательный дресс-код видели? Извольте соответствовать. Иначе я вас к клиентам близко не подпущу. Просидите на минимальной ставке до старости.

– И вам здравствуйте, – пробурчала я. Дресс-код расстраивал. Но я мысленно проговаривала сумму оклада, и грусть

потихоньку рассасывалась. – Ещё какие-то пожелания?

– Не хамить, – начальница сложила руки на груди. – Думаете, раз на Сергея Геннадьевича надавили сверху, то все сотрудники “Арт-Строя” обязаны вокруг вас на задних лапках прыгать? Нет, дорогуша. Меня тошнит от протезе всех мастей. Не умеете работать? Вылетите отсюда ко всем чертям. Да ещё и с такими пометками в резюме, что ни в одно приличное место не устроитесь. Это понятно?

– Да, простите, – я опустила взгляд. – Мне всё понятно.

– Надеюсь, – ответила она, поджав губы. – И последнее замечание. Стукачества я в отделе не потерплю. Мои репутация и значимость для компании выдержат любую сплетню, что вы способны придумать. А вот ваши – нет. Знайте своё место и тогда, может быть, испытательный срок пройдёт без серьёзного морального ущерба. Я предупредила. Теперь шагом марш к генеральному, – Марина хищно оскалилась. – За второй порцией ценных указаний и мудрых наставлений.

Куда уж мудрее и ценнее? Всё по полочкам разложила! Всё-всё объяснила. “Не хамить, одеваться как велено, не стучать!” Вот это гений дизайна, да.

Я кипела от злости. Из-за таких стерв работать по профессии никогда не хотелось. Насмотрелась на них ещё в студенчестве. Ни мозгов, ни совести – ничего лишнего. Вместо собственного мнения – выдержки из гламурных журналов, вместо нормальных отношений с окружающими – ложь, угрозы, шантаж и манипуляции. А главная цель в жизни –

захомутать богатого “папика”.

И это обещанный суперпупермегапрофессионал? Кадровик пошутил, не иначе. Как её здесь вообще терпят? Или она с руководством ласковая и обходительная, это просто мне “повезло”. Да уж. Попала я просто эпично. Захотела лёгких денег, дура. Позвонила дяде с просьбой помочь. Может, плюнуть на всё развернуться и уйти? Меня тут силой никто не держит. Мало ли офисов, где дизайнерам платят зарплату?

“Столько, сколько тебе обещали в “Арт-Строе”, больше нигде не заплатят, – прогнусавил внутренний голос. – Так что собери фаберже в кулак и терпи”.

А ведь он прав. Нельзя сдаваться. Гордость подождёт, главное – отправить маму в Париж.

Я старательно проглотила все проклятия, которые хотела выплюнуть в лицо Марине Зарецкой и пошла за ней к генеральному.

Глава 2. Белая ворона

Голова с утра не срабатывала даже на простые задачи. Мыслями генеральный директор “Арт-Строя” застрял в прямых линиях колонн на чертеже фасада. Заказчик требовал сделать их внушительнее. “Как в оперном театре”. Но это напроочь ломало концепцию. Толстенные колонны заслонят окна, их придётся делать больше, а витражи уже заказаны под прежний размер.

– Не солидно ему, – проворчал Сергей. – Нашёлся дворянин с деревенскими корнями.

Кофе себе уже третий раз пытался заварить. Пока шёл до кофеварки, забывал, зачем туда шёл. Переставлял чашку с места на место и снова открывал проект на планшете. Нет, конечно, добавить немного объема колоннам можно, но устроит ли это заказчика?

На рабочем столе зазвонил телефон. Директор положил планшет на крышку кофеварки, взял пустую чашку и пошёл принимать вызов. Напрягать проектную группу, чтобы пересчитывали или послать в пень Царедворского? Может, он просто время тянет? Да куда уж больше? Полгода согласовать фасад его загородного дома отказывается. К конкурентам уйти собирается? Ждёт, когда они ему смету посчитают?

– Давыдов, – представился Сергей, принимая звонок с неизвестного номера. – Слушаю вас.

Только бы не Царедворский, только бы не Царедворский.

– Приветствую, – отозвался малознакомый бас. – Меркулов Антон Павлович. Хотел поздравить племянницу с первым рабочим днём, но дозвониться до неё не смог. У вас всё в порядке? Она вышла?

“Какая племянница?” – застрял вопрос на языке.

Меркулов?

Твою же мать! Забыл. Неделю назад один из крупных акционеров “Арт-Строя” лично приехал в офис, чтобы попросить Давыдова взять на работу девочку-дизайнера. “Безусловно, талантливую, умную, с образованием, но без опыта работы”. Отказать было себе дороже. К тому же Меркулов настаивал, что зарплатный фонд он ей сам обеспечит. “Моя сестра остро нуждается в деньгах. Со мной не разговаривает, подарки принимать не хочет. Племянница тоже гордая. Помогите, Сергей, это всего на полгода”.

Конечно, не вопрос, пусть присылает резюме в отдел кадров.

Кстати, он уже одной рукой набирал их внутренний номер.

– Секунду, Антон Павлович, сейчас уточню.

Отправил вызов на удержание и снял трубку стационарного телефона.

– Сергей Геннадьевич, – бодро отозвался Максим, – доброе утро.

– Василевская на работу вышла?

Кадровик взял короткую паузу на “сообразить”. Вирус тупняка в “Арт-Строе” посетил не только директора?

– А, да, конечно. Я отправил её знакомиться с коллективом. Марина разве не представила её вам?

– Нет пока. Всё, спасибо, разберусь.

Уф-ф-ф, гильотина пролетела мимо головы. Сергей пальцами расчесал длинную чёлку и приложил мобильный к уху.

– Да, она здесь. Я попрошу её вам перезвонить.

– Благодарствую, – голос акционера заметно потеплел. – Ты извини ещё раз, что напрягаю.

– Никаких проблем, Антон Павлович.

– Всего доброго, Сергей. До встречи.

И вот так его теперь будут проверять с завидной регулярностью? Где ж он себе карму испортил, чем заслужил?

“Это часть нашей работы, – тяжело вздыхал наставник Сергея и предшественник на должности генерального. – Привыкай”.

Хотелось бы. Но тупая племянница богатого дяди – тот ещё геморрой. Только расслабишься, как сразу откуда-нибудь прилетит.

– Марина, – прошипел он, набирая кабинет “интерьерщиков”, но тут в дверь постучали.

– Сергей Геннадьевич, можно?

– Да, заходи.

Рыжие локоны Зарецкой зажглись пламенем. Сегодня она изменила привычке собирать их в высокий хвост на затыл-

ке и накрутила пружинами. Платье тоже надела новое. Чувствовала себя в нём неуютно. Сергей видел, как она держит спину неестественно прямой и всё время втягивает живот. Ещё на диету, чего доброго, сядет. Пятьдесят три килограмма для современных женщин: “О боже, я жирная!” То ли дело вторая девушка. Максимально свободный наряд и поза. Ох, это же утренняя знакомая.

Давыдов опёрся руками о стол и прищурился. Теперь некоторые черты дяди действительно угадывались в форме носа и линии подбородка. Алина Василевская не красилась. Даже ресницы тушью не удлиняла. Разве что губы влажно блестели. Гигиеническая помада?

Сергея на смех разобрало совсем как его случайную попутчицу в лифте. Вспомнились мамины бальзамы для губ с золотой надписью на польском языке. Ладно хоть только губы намазаны, а не вся область вокруг рта. “Чтобы не обветрились”.

Гадкий утёнок в их террариуме. Белая ворона.

– Сергей Геннадьевич, позвольте представить вам нашего нового стажёра, – зашебетала Марина. – Закончила архитектурно-художественную академию. Специальность не наша, но лишь бы карандаш в руках умела держать, остальному научим.

– Доброе утро, – несмело поздоровалась девушка и опустила взгляд.

Бусинки в её браслетах наверняка шуршали, расшитая ор-

наментом сумка вызывала восторг у детей, а платье-мешок шили из самого натурального льна, игнорирующего любые попытки отпаривателей хоть немного разгладить его. Свободный художник как он есть.

– Доброе, – коротко ответил директор. – Проверьте телефон и позвоните дяде. Он волнуется.

– Ой, – она достала из сумочки смартфон самого древнего образца. Написала короткое сообщение и убрала его обратно. – Спасибо.

Марина следила за ней практически с ненавистью. Уже успели поцапаться? Или Зарецкой так претит протеже Меркулова? Ничего, потерпит, не переломится. Не одному же Давыдову перед акционерами отдуваться.

– Вам показали рабочее место? Есть вопросы по графику или оплате труда?

– Ещё не успели, – пробормотала она. – Никаких вопросов нет. Меня всё устраивает.

– Отлично. Тогда вот вам первое задание, – Сергей вытащил лист с эскизом и рукописными пояснениями к нему. – Господин Царедворский задумал построить беседку в саду. Проект уже есть, попросите руководителя, она откроет вам доступ “только для чтения”, в беседке не хватает текстиля. Подушек. Заказчик хочет, чтобы их было много. “Штук двадцать и все в индийском стиле”, цитирую я его. Справитесь?

– Да, – племянница Меркулова ответственно кивнула и забрала эскиз. – Когда нужно сдать?

– Недели вам хватит? – Сергей краем глаза заметил, как Зарецкая насмешливо изогнула бровь. – Подушки, мягкие сидения и шторы нужно будет согласовать у заказчика, а потом сшить.

То, что неделя полагалась именно на согласование, Давыдов промолчал. Захотел посмотреть, как новенькая поведёт себя в экстремальной ситуации. Станет ли звонить дяде со слезами на глазах или, стиснув зубы, начнёт работать. А уж если всё сделает за неделю, то Сергей мысленно поклялся выписать ей премию.

– Хватит, – отрезала Василевская. – Варианты для согласования будут проходить через вас или я могу напрямую связаться с заказчиком?

– Царедворский – сложный человек, – устало вздохнул директор. – Так что лучше через меня. И не стесняйтесь, я обычно люблю обсуждать проекты. Заказ очень крупный, весь “Арт-Строй” сейчас на нём занят. Дело чести сделать всё на высшем уровне.

– Я постараюсь, – уверенно кивнула она.

Что ж, с мотивацией пока всё в порядке. Новенькую можно отпускать.

– Спасибо. Марина, задержись, пожалуйста.

С первого раза завуалированное прощание племянница не услышала. Смущённо переминалась с ноги на ногу, пока Зарецкая глазами не указала ей на дверь.

– А, всего доброго. Хорошего дня, – проямлила она и

сбежала из кабинета.

– Царедворский её съест, – горестно вздохнула Марина и сцепила пальцы в замок. Красные ногти на фоне чёрного платья смотрелись каплями крови. – Придётся курить каждое её телодвижение, а у нас дедлайны поджимают.

– Сосредоточься на своей работе, – с лёгким раздражением ответил Сергей. – Племянницу Меркулова я возьму на себя.

– Но вы заняты ещё больше.

Сергей усмехнулся, замечая, как внутри Марины борются части её личности. “Руководитель” понимал, что Василевская – её подчинённая и от этого никуда не деться. “Здоровый пофигист” был рад спихнуть лишнюю ответственность на кого-нибудь другого. А “женщина в поиске любви” хотела казаться идеальной. Интересно, кто победит сегодня?

– Я как раз Царедворским и занят по самые уши. Уж контролирую заодно его подушки в беседке.

– Серёж, ты даже не завтракал, – Марина обвела взглядом комнату и потянула носом воздух. – Совсем заработался. Давай я сварю тебе кофе.

– Нет, спасибо, – он взял телефон со стола и демонстративно уткнулся в экран. – Через час поеду разбираться с продлением лицензии на софт, там и позавтракаю. А вообще, давно уже пора секретаря завести. Когда руководитель проектов варит кофе вместо того, чтобы сидеть над чертежами, – это верный признак бардака.

Марина поджала губы на замечание о секретаре, тихо пожелала удачного дня и гордо удалилась.

Давыдов посмотрел ей вслед, жалея, что много лет назад поклялся себе не смешивать работу с личной жизнью. Вроде бы с такими, как Зарецкая, всё просто. Погуляли вместе по ресторанам, потрахались пару месяцев и разбежались. Замужеством и рождением детей она точно мозг клевать не станет. Ей карьера нужна. Но как раз тут и была основная загвоздка. Марина давно метила в замы. Хотела, чтобы специально под неё открыли такую должность. А потом и до кресла генерального недалеко. Нет уж. Сергей не для того пахал как проклятый. Свою собственную карьеру он из-за женщины под откос не пустит.

Кстати, Василевской это тоже касалось. Как бы девушка не оказалась засланным казачком. Следить за ней нужно. Вот и пригодилась бы служба безопасности. А то “штат раздут, штат раздут”. Сейчас даже попросить некого. Разве что Пашу из полиграфии. Он парень лёгкий и коммуникабельный. Слово за слово, свидание за свиданием и госпожа Василевская уже поёт аки птичка об истинных мотивах своего дяди.

– Да, Сергей Геннадьевич, – жизнерадостно сказал Павел.

– Дело у меня к тебе. Можешь зайти?

– Конечно.

Ох, Давыдов, на кривую дорожку ступаешь. Незаконная слежка, как-никак. Да ещё и “склонение подчинённых к противоправным действиям”. Да ну, бред. В цивилизованных

компаниях это называется нетворкинг. Налаживание связей. Никто же не запрещает просто расспросить девушку. Узнать, чем она живёт. А то с самим директором она вряд ли будет откровенной.

Да где там Павел?

Глава 3. Первый заказ

Я ждала Марину Эдуардовну в коридоре и кипела от злости. Хотелось разбить что-нибудь, громко поматериться или закатить сцену, но это было не в моём характере. А жаль! Потому что Сергей надо мной издевался. Говорил будто серьёзно, а в глазах – смешинки плясали. Хотел услышать возмущения сжатыми сроками? Думал, я устрою скандал с требованиями не наседать на новенькую? Или просто хотел высидеть в глазах красотки-Марины?

– Пойдёмте, – позвала Зарецкая, когда выпорхнула от генерального.

Я с сомнением покосилась на её туфли. Настолько высокие каблуки невозможно носить с такой грацией. Либо есть какой-то важный секрет, либо Марина попросту ведьма. Так я и шла за ней по пятам, пытаюсь разглядеть метлу или чёрного кота поблизости.

Мы вновь вернулись на восьмой этаж, прошлись вдоль длинного коридора и остановились в самом его конце. Дальше был только выход на пожарную лестницу.

– Ваш кабинет, – довольно улыбнулась рыжая змея, открывая мне дверь в самую натуральную каморку.

Вспомнилась спальня Гарри Поттера в доме Дурслей. Его в комнату под лестницей отправила тётка, чтобы не попадался лишний раз на глаза. Меня, кажется, с той же целью опре-

делила сюда начальница.

Ну ничего. Если одиннадцатилетний мальчик из чулана выбрался, то я тоже справлюсь!

– Благодарю, – выцедила я сквозь зубы и осмотрела помещение.

Темноватое, тесноватое и пыльное донельзя. Я оглушительно чихнула, чем несказанно порадовала Зарецкую.

– Устраивайтесь, Алина Валерьевна, – промурлыкала начальница и уплыла в закат.

“Хоть бы утонула”, – мысленно пожелала я.

Зря. Такие как раз и не тонут.

Села в кресло и включила старенький компьютер. Готова поспорить, его из подвала достали специально для меня. На столе у гендиректора стоял роскошный моноблок самой последней модели. Конечно, рядовым дизайнерам такого счастья не полагалось, но и белый монстр-ровесник динозавра тоже смотрелся странно в офисе “Арт-Строя”.

Доступ к проекту мне всё-таки открыли. Я взглянула на сроки, когда его заказали, и едва за голову не схватилась. Кажется, неделя на подушки – это дедлайн, установленный для меня по блату. Загородный дом Царедворского готовили всем миром так долго, что становилось не по себе. Он хотел получить настоящий дворец и вносил правки буквально во всё.

“Сложный человек” – это мягко сказано.

Узоры на подушечках тоже оказались в зоне риска. Чем

менее подробным было техзадание, тем больше замечаний возникало у заказчика. “Я не знаю, чего хочу, но точно не то, что вы предложили!”

Я потянулась к телефону и нашла в контактах номер единственного человека, который мог бы меня спасти. Длинные гудки оборвались почти сразу.

– Пронто, – привычно ответила на звонок подруга.

– Что ты знаешь об индийских орнаментах, Анют?

Следующие полчаса я провела, конспектируя лекцию подруги об особенностях построения орнамента в разных регионах Индии. Нет, я не собиралась вдаваться в исторические и культурологические подробности, всего лишь качественно выполнить работу. Но вдруг заказчик только кажется вездельным дурачком? Вдруг он истинный ценитель и сразу поймёт, что я сделала какую-то лажу, привинтив не тот листик к ушам слона?

– В общем, я скину тебе образцы, выберешь чего-нибудь, – закончила речь подруга.

– Мне бы ещё ткани с таким принтом и контакт швеи.

– Слушай, а не много ли ты хочешь? – рассмеялась она.

– Ну что тебе стоит?

– Ага, а потом самой сшить предложишь, типа зарплатой поделишься. Нет, извини, но я по уши в долгах по сумкам. Клиентки уже неделю злобно пишут в директ и спрашивают: “Ну когда?” Больше не буду брать столько заказов сразу. Лучше по одному. А то жадность меня сгубит.

– Всё равно спасибо, – улыбнулась я в телефон. – Ты мне очень помогла.

– Не за что. Давай там всех порви.

Я отключилась и ради интереса проверила свой директ. Изредка в рабочем аккаунте ценители прекрасного отвечали на мои истории, но заказов было мало. Потому и пришлось распрощаться с мечтой зарабатывать творчеством. Нет, на хлеб с маслом мне хватало, а вот на путёвку в Париж – уже нет.

Входящих не было. Я уже собиралась заблокировать телефон, как мигнуло оповещение. Одна из давних, но молчаливых подписчиц решила уточнить пишу ли я портреты с натуры.

“Конечно, стоимость можно посмотреть в актуальном”, – ответила я.

Пару минут мы переписывались по поводу того, когда и где можно встретиться. Раньше я бы сорвалась сию же секунду, но теперь была привязана к рабочему месту и строгому графику. Так что договорились мы с Еленой на утро субботы.

“Рублёвское шоссе, 33. Позвоните, как приедете. Я предупрежу охрану, чтобы пропустили. Или за вами отправить водителя?”

Я присвистнула. Впервые мне написала заказчица, живущая на Рублёвке! С ума сойти! У неё есть охрана и личный водитель? Может, ещё и дворецкий имеется? Низенький и

седой мужчина с интересным акцентом. Британец, ага.

“Если это удобно”, – вежливо согласилась я и отложила телефон.

Кажется, мне наконец-то начало везти. Но это не повод расслабляться. Деньги сами себя не заработают. Нужно, чтобы подушки-занавесочки получились идеальными, а потом уже можно и о портрете для Елены задуматься.

Я достала стопку чистых листов, остро наточенный карандаш и начала делать наброски. В компьютер перенесу позже. Сначала нужно определиться, как будет выглядеть общая концепция.

Я решила сделать акцент на цветах. Всё-таки навряд ли Царедворский понимает что-то в орнаментах. Ему важна атмосфера, настроение. Значит, я дам ему то, что он хочет.

Стук в дверь застал меня врасплох. Марине что-то понадобилось или местный завхоз пришёл в ужас от условий моего труда и расщедрился на просторный кабинет? Ой, вряд ли.

– Входите, не заперто, – пригласила я.

– Привет! – кудрявый парень в розовой рубашке просунул голову в приоткрытую дверь. – Меня Паша зовут. Зашёл посмотреть, как работается в каморке под лестницей. Ты ещё не получила письмо из Хогвартса? Проверь, а то наш рыжий аналог миссис Дурсли вконец тебя доконает.

Я улыбнулась, не удержавшись. Значит, не только мне пришло в голову такое сравнение.

– Алина, – представилась я. – Ты не тянешь на Хагрида,

– Что? – преувеличенно сильно удивился он и открыл дверь нараспашку. – Недостаточно толстый? Дык не в коня корм. Я тут один на весь тощий серпентарий, кто позволяет себе жрать сало на ночь и запивать его пивом. А ты, судя по наряду, веган?

– Только этого мне не хватало, – возмутилась я.

– Уф-ф-ф, пронесло, – жизнерадостный Павел ладонью вытер со лба несуществующий пот. – А то все просветлённые почему-то считают, что духовного роста с животной пищей не достичь. Я бесконечно рад, что ты в адеквате. Кстати, где достала такие клёвые сапожки? Я заимел бы нечто подобное под узкие джинсы. В сочетании с голубыми выбеленными будет просто огонь!

– Сведу тебя с человеком, который их сшил, – прищурилась я. – Если покажешь, где тут можно поесть.

– Да легко, – парень, наконец, полностью зашёл в кабинет и по-богемному пристроился на краешке моего стола. – Какую кухню предпочитаешь? У нас в окрестностях сразу два итальянских кафе, приличная паназиатская кухня, три пивных бара и несколько забегаловок а-ля заводская столовая.

– Начну с итальянской, – решила я. – Если ценник российский, конечно.

– Да, там дешёво и сердито, – кивнул мой нечаянный друг. – Значит, через два часа встретимся в холле?

– Договорились.

Я снова улыбнулась. Павел казался полной противоположностью сразу всех местных обитателей. Не высокомерный, добродушный и общительный.

“И симпатичный”, – шепнул внутренний голос и снова оказался прав.

Время до обеда я провела в работе. Скука сменилась рабочим интересом. Как сказал Сергей Геннадьевич? Проект Царедворского – дело принципа? Вот и для меня он стал чем-то подобным. Я рисовала, представляя, как заказчик принимает эскизы без правок. Чуть ли не восторженно аплодирует мне. Потом звонит лично, рассыпается в благодарностях и просит оформить и его городскую квартиру заодно.

“Ой, губа-то не дура, – вздохнула бы Анюта, – может, тебе сразу государственную премию дать или звезду на Аллее славы в Голливуде?”

Ну и как тут не вспомнить знаменитый стих Твардовского: “Нет, ребята, я не гордый.

Не загадывая вдаль, так скажу: зачем мне орден? Я согласен на медаль”.

Мой смех грозил превратиться в гомерический хохот, но тут мелодично прозвенел будильник. Телефон напоминал, что мне пора дегустировать шедевры итальянской кухни в компании весёлого и бесконечно приятного парня.

Павел действительно ждал в холле, перекидываясь шутками с эффектной брюнеткой в брючном костюме цвета шампанского. Золота на ней было навешано – моё почтение. Мас-

сивная цепь с усыпанным прозрачными камнями цветком, длинные серьги, кольца сложной формы.

– Оксана, знакомься, – почти пропел Павел, махая мне рукой. – Наш новенький гений интерьерного дизайна Алина.

– Очень приятно, – лучезарно улыбнулась она. – Оксана, редактор интернет-издания “Загородный дом”. Мы иногда сотрудничаем с “Арт-Строем”, публикуем материалы о ваших проектах. С согласия заказчиков, разумеется.

– Ой, не грузи работой, у нас обед, – Паша демонстративно взял меня под руку и потянул на выход. – Привет Максиму! И всё-таки его последняя статья скучнее советских газет!

– Вот сам ему об этом и скажи, – рассмеялась Оксана.

Боже, редакторы журналов для меня казались недостижимыми людьми. Кто ещё работал в офисном царстве стекла и бетона? Если полезные знакомства будут и дальше сыпаться как снег на голову, то, пожалуй, мне понравится на новой работе.

– Я полиграфист, если ты ещё не знаешь, – щебетал Паша. – Буклеты делаю, брошюры, листовки для презентаций. Та макулатура, что разложена на стойке у ресепшена, – в основном моя работа. Кто-то бурчит: “Бесполезный человек, вымирающий вид, скоро всё будет в интернете”, но я так считаю. Люди – существа тактильные. Трогать гладкую бумагу и листать страницы нам не надоест никогда. А вот и кафе. Заходим?

Мы зашли. Уютный зал в бежевых тонах с тёмной мебе-

лю и живыми цветами в кадках. Приятная тихая музыка. И запахи. Боже, как одуряюще тут пахло едой.

Миловидная официантка встретила нас на входе и проводила до дальнего столика. Меню передала с почти искренней улыбкой.

– Я подойду через пару минут, чтобы записать заказ, – пообещала она.

– Советую взять пасту с курицей и грибами, – продолжил Павел. – Здесь она очень вкусная.

– Хорошо, давай попробуем пасту, – я отложила меню в сторону. – Закажи на свой вкус. Тебе виднее, что здесь лучше брать.

Глава 4. Полезные сплетни

Павел оказался приятным собеседником. Говорил обо всём на свете, отпускал ироничные шуточки. Я от души веселилась и совсем забыла о срочном заказе Царедворского. С небес на землю меня вернуло сообщение Анюты.

“Ты моя должника, лови контакты швеи. Позвонить нужно сегодня до пяти вечера”, – написала подруга и прикрепил скриншот номера телефона.

– Если ты скажешь, что тебе пишет сообщения Марина Эдуардовна, я заподозрю неладное, – сощурился Паша, отпивая пенку со своего кофе.

– Почему?

– На моей памяти она писала только Кате из бухгалтерии и Сергею Геннадьевичу, – он сделал “страшные” глаза. – Катю, кстати, уволили. Не нравится нашей Марине, когда есть соперницы за внимание начальства.

– Ой, мне даром не нужны служебные романы, – махнула я рукой. – Это верная дорога к увольнению.

– А ты девушка серьёзная и всё такое, – согласился полиграфист. – Катя тоже так говорила, а потом вляпалась в чужие представления о себе, как городская бедолага в коровью лепёшку посреди деревенской дороги.

– Смачное сравнение, – оценила я. – А что всё-таки случилось?

Паша взял паузу на то, чтобы съесть треугольник пиццы и запить его кофе. Тянул время, держал интригу. Потом, наконец-то, сжалился и выдал:

– Да ничего особенного. Отмечали мы новогодний корпоратив. Фуршет, алкоголь, ведущий с конференсом, вокальные коллективы с номерами. Бухгалтерия что-то расслабилась и пошла зажигать на танцпол. Давыдов тоже “хороший” был, – полиграфист пощёлкал себя пальцами по горлу, намекая то ли на степень алкогольного опьянения, то ли на количество выпитого. Две бутылки, три? – Вот и закружил девушек в медленном танце. Чаще всего Катерину приглашал. Шептались, хихикали. Так увлеклись, что чуть вместе не уехали, а Марина красными пятнами от злости покрывалась.

– Представляю, – кивнула я. – И дополнительного повода, чтобы сжить девушку со свету было не нужно.

– В корень зришь, – поощрил мою догадливость Паша. – Так что сама понимаешь, не в сказку попала. В нашем дружном коллективе, как в море без карты. Не туда повернёшь – напорешься брюхом на рифы.

– Понимаю. И ноги бы моей не было на офисной карьерной лестнице, но есть обстоятельства.

– Ипотека? – иронично приподнял брови Паша.

– Если бы. Мечта моей мамы. Она хочет увидеть Париж.

– М-м-м, – полиграфист лихо накрутил пасту на вилку, пользуясь ложкой, как дополнительным прибором. – Достой-

но. Честно скажу, не ожидал. Обычно свои мечты о путешествиях исполняют.

– Я успею ещё. Маму хочется порадовать.

– Тогда постарайся не вылететь в первую же неделю, – заговорщически подмигнул он. – И я тебе не о проектах говорю. Твоя начальница спит и видит себя любимой женой Сергея Геннадьевича. “Белое солнце пустыни” смотрела? Гюльчатай помнишь?

– Ещё бы. Эталонный восторг: “Господин назначил меня любимой женой” трудно забыть. Но она плохо кончила. Абдула не простил предательства.

– Вот, – Паша помахал вилкой. – Зарецкой стоит об этом помнить. Жаль, в жизни не получится, как в кино. Абдуллы нет и никто ей двигаться к постели начальника не мешает. Ты под ногами тоже не путайся.

Стало обидно. С какой радости он мне запрещает? А потом приятно. Надо же. Меня считают достойной соперницей за сердце местного принца на белом коне. “Золушка в стиле бохо”. Оригинальная потеряла туфельку, а я случайно уронила с ноги хендмейд-валенки, расшитый бисером. Ни одна злая сестра из местных офисных див не решится его примерить. “Что это? Из какой коллекции? Как я в нём на улицу выйду? Фу, колхоз! Совдеп!” И принц точно будет мой. Мы с ним увешаем особняк Царедворского текстилем в индийском стиле, молниеносно сдадим проект и рванём вместе с мамой в Париж. Ах, Монмартр, ах, Елисейские поля!

– Не нравится мне твоё мечтательное выражение лица, – проворчал Паша. – Точно теперь полезешь в драку за начальника. Из принципа.

– Нет у меня такого принципа извращённого, – я посмотрела на время. – А вот принцип “не опаздывать” имеется. Доедай и побежим работать.

От ощущения сытости в животе разливалось приятное тепло. Его хватило до конца дня, чтобы вдохновенно комбинировать индийский орнамент на подушках для беседки заказчика. Образцы я брала сразу с принтов плотной ткани, пригодной для использования на улице. Швея оказалась душкой. Она давно шила одежду по мотивам традиционной индийской, разбиралась в тканях и пару раз пересекалась с Анютой на тематических выставках.

“Алина, скажите, пожалуйста, – щебетала она текстом в чате, – возможно ли оставить на изделиях бирку моей мастерской? Никаких контактных данных, просто логотип?”

Рекламы хотела, ага. Втайне надеялась, что богатые гости Царедворского заинтересуются чудо-подушками и потом найдут мастера, чтобы сделать заказ для своего дома. Хм-м-м, а почему нет? От маленького логотипа никто не умрёт, но я решила быть осторожной.

“Уточню у руководителя и сообщу вам ответ”.

“Заранее благодарю”, – настучала в чат швея.

Кстати, о руководителе. Давыдов давал срок в неделю, но с готовыми принтами на тканях я рисковала справиться раньше. Даже придумала, как сделать подушки по-настоящему уникальными, комбинируя разный орнамент в технике пэчворк. Не квилт “Дорогая Джейн”, конечно, но должно получиться интересно. Главное, быстро утвердить проект. А для этого нужен директор “Арт-Строя”. Он же прямо сказал, что любит обсуждать проекты и заказ Царедворского дело чести. Вот и пойду к нему. Под конец рабочего дня он уже не должен мысленно ехать домой. И если не покуривать расслабленно на рабочем месте, то точно ничем сверхважным не заниматься. А тут я со своими подушками. В тему? Надеюсь.

Ох, неизвестно, как я запомнила дорогу к кабинету высокого начальства, но мне удалось не заблудиться в офисе и не хихикать в лифте, вспоминая утреннее происшествие. День в “Арт-Строе” начался паршиво, зато закончится должен удачно. Я просто мечтала об этом. Собралась с духом и постучала в дверь кабинета. Чего стояла и переминалась с ноги на ногу? Не съест же меня босс, если я к нему одна приду?

– Прошу прощения, Сергей Геннадьевич, – я перешагнула через порог и закрыла за собой дверь. – Если вы не слишком заняты, я бы хотела обсудить наработки по своему заданию.

Давыдов работал в поте лица. Даже на меня не сразу обратил внимание. Терзал какой-то несчастный проект на моноблоке, яростно клацая мышью.

– Да, Алина, что у вас?

– Я подготовила эскизы, загрузила в папку, как показала Марина Эдуардовна, – ответила, нервно перебирая бусинки на браслете. – Вы можете сейчас посмотреть?

– Да, – кивнул он и снова защёлкал мышью. Скачал по вкладкам? Искал мою папку?

Я посмотрела на начальника, пытаюсь поймать первую реакцию. Но “поймали” меня. Я банально засмотрелась на Сергея. Руки зачесались немедленно набросать портрет. Хотя бы несколько линий простым карандашом в любимом скетчбуке.

Ещё в лифте заметила, насколько хорош мой босс, а теперь вообще прикипела взглядом и ничего не могла с собой сделать. Я обожала рисовать увлечённых людей. Маму, вышивающую крестиком. Соседских мальчишек, гоняющих мяч под окнами. Анюту за мольбертом. Если существовала в мире магия, то она была сосредоточена в руках тех, кто занят любимым делом. Только у них получались действительно стоящие вещи.

Мне остро захотелось посмотреть, с чем работает Давыдов. Да, он контролирует всех вокруг, но и сам что-то создаёт. Если Сергей не творец по своей натуре, то я съем любимые ботинки! Такие руки должны держать кисть, а не компьютерную мышь.

– Неплохо, – вынес он вердикт, – но слишком дёшево смотрится. У заказчика гранит, мрамор и колонны, как в

афинском Акрополе, а здесь пейсли на все лады.

Это он про “индийский огурец”. Знаменитый узор, переживающий новый виток популярности. Анюта доказывала мне, что самые известные марки успели выпустить с ним кучу одежды, но Давыдов морщил нос.

– Пейсли заменить? – уточнила я не слишком радостным тоном.

Очарование постепенно сходило на нет, желание нарисовать портрет переросло в нужду набросать шарж. “Огурец” ему не понравился, видишь ли! Может, заказчик их обожает? “Арт-Строй” закидал бедного Царедворского своими мраморными дизайнами, а мужик хотел чего-то простого и душевного. Вот дали бы ему пейсли, так он и не присылал бы столько правок.

– Всё заменить, – отрезал босс. – В золоте делать не прошу, но уточните у Марины Эдуардовны, что значит в современном дизайне “дорого”. Исправьте и возвращайтесь.

– Марина Эдуардовна уже оставила инструкции, – начала злиться я. – Цветовая гамма выдержана, концепция не нарушена.

– Вы спорить со мной собираетесь? – нахмурился Давыдов.

Два шаржа. А лучше три.

– Нет, что вы? Как можно? – притворно ахнула я. – Мухой лечу исправлять. Наше вам с кисточкой. Аривидерчи.

– Всё смешали в кучу, – проклятый босс лучезарно улыб-

нулся в ответ. Сразу стало понятно – сейчас будет издеваться. – При чём тут московские парикмахеры? Или вы опять на огурцы намекаете?

Наверное, это было обидно, но я не поняла ничего из сказанного. Какие парикмахеры? Какие огурцы?

– Как отвечать на странные вопросы руководства, Марина Эдуардовна забыла меня проинструктировать. Не подскажите?

– Легко, – смилостивился он. – Фраза “наше вам с кисточкой” – укороченный вариант приветствия, с которым парикмахеры зазывали клиентов. Я дословно не помню, но, кажется, так: “Наше вам почтение, с кисточкой, с пальцем девять, с огурцом пятнадцать”. Речь шла о том, как оттягивать щёку клиента, чтобы было удобнее брить. Пальцем за девять или “одноразовым” огурцом за пятнадцать.

Мда... То есть я сейчас предложила начальнику оттянуть щёку огурцом? Отлично! Просто то, что нужно в первый рабочий день!

– Огурцы – мой профессиональный кинк, – ответила я зачем-то.

Невозмутимым тоном, но с лицом краснее главной площади Москвы. Почему не ушла молча? Или не ответила вежливо и уместно: “Холосо, насяльникэ, я всё сделаю. Не злись, насяльникэ”.

Хохотала я громко. Не сдержалась – согнулась пополам, держась за живот, прямо на глазах Давыдова. Нет, столько

абсурда за один день – перебор даже для меня. Только Алина Василевская могла привлечь внимание незнакомца в лифте, ляпнуть при нём что-то глупое и сбежать, а после выяснить, что он – её новый босс, которому чуть позже она предложит совершить крайне неприличные действия всего за пятнадцать рублей. Уровень моего везения трудно себе представить.

– Надеюсь, вы хорошо провели время, – с непонятной интонацией произнёс Давыдов. То ли смех сдерживал, то ли желание немедленно меня уволить. – Жду вас с новым проектом. Свободны, Алина Валерьевна.

Из кабинета я вышла, чувствуя то, что могла бы назвать похмельем от хохота. Меня тошнило, противно кружилась голова и ноги не слушались. Запоздало накрыло стыдом за разыгравшуюся сцену. Теперь придётся делать сногшибательный проект подушек, чтобы вернуть себе репутацию настоящего профессионала и адекватного человека. Ну ничего. Будет что рассказать внукам, как философски замечал в подобных ситуациях мой дядя. Кстати, он прислал сообщение, что ждёт меня на уличной парковке возле офисной свечки. Значит, сложного разговора не избежать.

Нет, дело не в провальном первом дне. Мама не разговаривала со старшим братом почти пять лет. Когда она попросила у него денег, чтобы заплатить за квартиру, он высокомерно бросил: “Работать нужно лучше”. Любая на её месте оскорбилась бы до глубины души. И я тоже. Но нужно раз-

личать гордость и последний шанс на жизнь. Жаль, что мама не хотела. И ругаться с ней в нашей ситуации не хотела уже я.

“Да, сейчас выйду”, – ответила дяде и пошла выключать компьютер. Работа на сегодня закончилась.

Глава 5. Меркулов Антон Павлович

Очередной крутой, чёрный и, без сомнения, жутко дорогой джип дядя Тоша купил совсем недавно. Даже обжить ещё не успел. Или в салоны, обитые элитной кожей, игрушки на зеркало заднего вида не вешают? А где освежитель воздуха “ёлочка”? Как мы без ёлочки-то?

– Вечер добрый, – Меркулов вышел из машины и попытался меня обнять. – Как ты, племянница?

– Всё хорошо, – я не отшатнулась только потому, что это невежливо. – С начальством познакомилась, работать начала. Я думала, вы в очередной командировке.

– Недавно вернулся, – не стал он меня разочаровывать. – В бизнесе сейчас сплошные головняки. Но тебе они покажутся мелочью, конечно. Как мама?

– Боли усилились, но она не жалуется, – я обняла себя за плечи. – Таблетки только стала чаще покупать.

Тяжелее всего в нашей ситуации было ожидание. Мы обе понимали, что счёт идёт на месяцы, но ничего не могли сделать. Рак на такой стадии не лечится. Химиотерапия не помогала, делать операции подобного рода ещё не научились. Так что мамин врач был предельно честен с нами. И на вопрос “Можно ли хоть чем-нибудь помочь” выписал сильное обезболивающее. “Мужайтесь, Алина. Вашей матери будет трудно, но вам ещё труднее. Постарайтесь стать для неё опо-

рой, последней радостью в жизни. Подарите ей хотя бы один счастливый день”.

Я надеялась на неделю. А лучше на две недели в городе, где мама всегда мечтала жить. Поэтому мы с ней улыбались. Она сквозь боль, а я, пряча слёзы.

– Давай обзванивать европейские клиники, – предложил дядя Тоша. – Я слышал, в Израиле берутся за самые безнадежные случаи.

– Хорошо, – я прикусила губу, чтобы не разреветься. – Скандала с мамой не избежать, но лучше пусть злится живая, чем умирает гордая.

– Вот именно, – выразительно округлив глаза, кивнул он. – Я признаю, что поступил подло и очень некрасиво, но ведь она слушать ничего не хочет. В общем, давай так, – он порывисто взял меня за руку и крепко сжал пальцы. – Ты большая молодец, что сама мне позвонила. Именно так и должна была поступить нормальная дочь. В “Арт-Строе” спокойно работай. Так мы будем рядом и сможем что-то оперативно обсудить, не навлекая гнев Дарьи. Я сегодня же сяду на телефон и подниму все свои контакты в Европе. Не Израиль, так Германия. Не Европа, так Америка. Да хоть на Кубу повезём, лишь бы помогли. Копию медицинской карты сделать бы. Одного заключения, что ты мне показала, явно недостаточно.

– Я пришлю фотографии свежих анализов и результаты последних обследований, – самонадеянно пообещала я.

Представления не имела, как взять мамину медкарту, чтобы она об этом не узнала. Но какой у меня выбор? Продолжить и дальше делать вид, будто всё в порядке? К чёрту Париж, если есть шанс вылечить маму. А если нет... Я ведь не собиралась увольняться. Постараюсь усидеть на двух стульях, буду хвататься за любую возможность. Раз уж надежда в нашем случае – яд, то я готова отравиться.

– Хорошо, – дядя в последний раз крепко сжал мои руки и отпустил. – А теперь давай я подброшу тебя до дома. Или нельзя?

– Можно, только высадите меня на остановке в паре домов, – попросила я. – Желательно, чтобы мама не видела нас вместе. Иначе она поймёт, что вы помогли с работой. А потом я не смогу уговорить её лечиться. Сами знаете, какой характер.

– Да, – согласился дядя, вспомнив что-то личное и очень давнее. Из детства. – Я в курсе. Есть такие младшие сёстры, с которыми приходится сидеть вместо футбола во дворе. Тебе гулять хочется или хотя бы в телевизор уткнуться, а тут она. “Ералаш” смотрела? Помнишь серию про то, как старший брат спсиху вылил тарелку супа на голову младшему? То вермишель ему длинная, то суп горячий, то холодный.

– Ты только компот не выливай, – процитировала я и улыбнулась. – Компот я буду.

– Вот в яблочко, – вздохнул Меркулов. – Один в один я и твоя мать. А теперь такое... Ладно, выкрутимся. Поехали.

Садилась я к нему в джип уже с лёгким сердцем и совсем другим настроением.

На следующий день я решила одеться попроще и чуть более стандартно. Как там было в положении о дресс-коде? Чёрный верх, белый низ? Нет, кажется, наоборот, но не суть. Я вытащила из шкафа белое кружевное платье. Слишком прозрачное и откровенное, чтобы носить только его. А поверх надела чёрную тунику с подолом, обрезанным по косой линии. Монохромный образ как он есть. Должно прокатить, но скучно ведь. Покрутившись перед зеркалом пять минут, я сдалась. Повязала на шею яркий платок. Волосы бы ещё покрасить а-ля Мальвина, но в “Арт-Строе” точно не поймут.

Матери я сказала, что записала её сегодня на приём к врачу. Отчасти нам повезло. Денег на частную клинику не было, а в учреждениях бесплатной медицины до сих пор велось бумажное делопроизводство. Анализы подклеивались в карточку. Саму карточку нужно было взять в регистратуре и самостоятельно принести к врачу. Я рассчитывала сфотографировать нужные страницы, пока мама будет в туалете. А она туда обязательно пойдёт из-за особенностей самочувствия.

– Уф-ф-ф, как бы теперь отпроситься на пару часов? – простонала я, разглядывая в мониторе забракованный проект индийских подушек.

Выдав порцию негатива вчера, сегодня Марина Эдуардовна старательно меня игнорировала. Ходила из кабинета в кабинет мимо моей каморки и ни разу не заглянула. Меня даже посетила идиотская мысль бросить ей под ноги кожуру от банана. Ну, чтобы она смачно на ней поскользнулась, упала, а я, высунув нос из каморки, с состраданием в голосе спросила бы: “Вы не ушиблись? О, кстати, а можно мне в больницу отлучиться?”

Оскар мне за сообразительность, да! В номинации “лучший сценарий”. Но ничего умнее не придумывалось. Я вся извелась и почти взвыла, когда в дверь постучал Паша.

– Такос, такос, такос, такос, – напевал он слова очередного хита Little Big, – такос, такос, буррито, буррито.

– Пицца, – подхватила я тоненьким голоском, – карри, суши, бо-о-о-орщ.

– Пошли обедать, – расплылся в улыбке полиграфист, – хватит киснуть над работой.

– Не могу. Мне нужно в больницу, а я не знаю, как отпроситься у начальницы.

– У Зарецкой-то? – Паша сегодня был в бирюзовой рубашке и белых джинсах. То есть с дресс-кодом я всё-таки угадала. – Даже не надейся. Сердце её двулико, сверху оно набито...

– Мягкой травой, – подпевала я шедевру Агаты Кристи, – а снизу каменное-каменное дно. Интересное у тебя настроение. Певческое. Делаешь рекламу для караоке-бара?

– Если бы, – расхохотался он. – Не предлагают. Уж я добавил бы строгого стиля в их многоцветную безвкусицу. Но мы отвлекаемся от Марины Эдуардовны. В прошлом году она никого из сотрудников на первое сентября не отпустила. “Работы много, а это не государственный выходной”. Мне лично было всё равно, а у Ольги дочь в первый класс пошла. Без мамы.

– Да уж, – скривилась я. – Прямо офисная Малефисента.

– Хуже, – поддакнул Паша и задержался взглядом на моём мониторе. – Баба-Яга, которая всегда против. Упс, а это что?

– Где? – не поняла я.

– Ну вот же. Кто тебе фотографии делал? Где ты нашла такое чудо с оригинальным взглядом на композицию?

– Швея принты прислала, – смущённо призналась я. – От производителя. Там как раз подушки были. Ну я и намиксовала, что мне надо. Сильно плохо, да?

– Ужасно, – полиграфист развернул к себе монитор и нервно сдул кудряшку со лба. – С такой картинкой их даже даром не возьмут. Ненавижу, когда экономят на визуале.

“Дёшево, – вспыхнуло у меня в мозгу. – Именно на это ругался Давыдов”.

– Слушай, Паш, а как сделать, чтобы было дорого? В смысле выглядело дорого и хорошо?

– Уже никак, – отрезал он. – Переснять фотосессию. Ну или вырезать саму ткань, обработать её и вставить в интерьерный мокап.

“Твою ж натурщицу, – мысленно выругалась я. – Мокап!”

– Паша, ты гений! Я сейчас клипарта накачаю с беседками посимпатичнее, вставлю туда визуализацию из проекта и сверху налеплю своих подушек. А то директор запретил показывать прежнюю версию заказчику.

– Царедворскому-то? – парень сдвинул ухоженные брови. – Тому вообще надо, чтоб “лухари” было. Иначе даже не посмотрит. Марьяна от него рыдала. Пятнадцать раз переделывала, а потом вернула самый первый вариант и услышала: “Ну вот же! То, что надо. А сразу так сделать не могли?”

– Да, стандартная фишка, – развеселилась я. – Клиенты её любят. Спасибо, Паш, я посижу над проектом. Вечером, наверное, сейчас придётся на прогул нарываться.

– Больница же, – кивнул он и задумался. – А перенести нельзя?

– Нет, – мотнула я головой, не успев сообразить, на какую степень откровенности могу пойти. – Маму веду к онкологу. Там каждый день на счету. Без записи ломимся. Внаглую.

– Сочувствую, – ответил Паша и вдруг распрямылся, как пружина. – Знаешь, что? А дуй-ка ты в больницу. Прямо сейчас, ага. От Марины я тебя прикрою. Создадим эффект присутствия. Оставим включённый компьютер, небрежно бросим твой шарф на спинку кресла. Типа на минутку вышла в туалет и скоро вернёшься. Бумаги ещё нужно разбросать, начертать в них цифр и непонятных слов. Ручки чтоб лежали, карандаши.

– Нет, ты точно гений, – я чуть не задохнулась от избытка чувств. – Спасибо, спасибо, спасибо!

– Беги давай, – кивнул он на дверь. – Шарф оставь.

Я всё-таки чмокнула его в щеку, разбросала вещи на столе и сбежала из офиса “Арт-Строя”.

Давыдов любил спокойные рутинные дни. Когда расписание никто авралами не ломает, встречи идут одна за другой и есть возможность спокойно поработать над каким-нибудь проектом. А то закрутился он последнее время в управленческом колесе, времени на творчество почти не осталось.

“Сергей Геннадьевич, – в мессенджер пришло сообщение от Павла. – Есть новости. Могу зайти?”

Директор “Арт-Строя” набрал ему в ответ: “Давай, жду”, и закрыл ежедневник с рабочими пометками. Об Алине Василевской хотелось узнать побольше. Вчера вечером, вернувшись домой, он набрал в поисковике “наше вам с кисточкой”. Собирался задним числом уточнить, не соврал ли он, пересказывая историю с парикмахерами, и смеялся минут пять. Буквально не мог остановиться. Таких совпадений с огурцами нарочно не придумаешь. Потрясающее создавалось настроение и почему-то девушка никак не шла из головы. Забавная, симпатичная и руки у неё красивые. Ладонки маленькие, пальцы аккуратные. Когда волосы поправляла, будто струны на арфе перебирала.

– Тьфу, – сплюнул Сергей. – По Щелкунчику соскучился?

Вступление к вальсу цветов покоя не давало?

Да, партия арфы там была великолепная. Жаль, сходить в театр не с кем. Глядя на офисных красавиц, вспоминался Шнуров с его “На лабутенах-нах”. Никакой тяги к искусству. Одно желание выгулять новые шмотки и брендовую сумочку.

– День добрый, – Павел, широко улыбаясь, ворвался в кабинет.

– Присаживайся, – Давыдов кивнул на стул. – Шпион внештатный. Всевидящее око “Арт-Строя”. Нарыл что-нибудь?

Жутко не хотелось, чтобы милая Алина Василевская плела козни по поручению дяди. Не вязалось с её образом.

– Да, кое-что есть, – Суворов уселся, слегка поддёрнув штанины модных джинсов. – Сегодня она маму повела в больницу. Онкология. Судя по спешке, стадия уже серьёзная. Диагноз не знаю, сразу говорю. Врачебную тайну мне на второй день знакомства никто открывать не будет.

– Понятно, – кивнул Сергей.

Что ж, это объясняло острую финансовую нужду. Лечение онкологии даже при государственной поддержке обходилось недёшево. Но зачем такие сложности с устройством на работу? Меркулов, если хотел помочь, мог просто оплатить счёт.

– Про дядю она ничего не говорила?

– Нет, – тряхнул кудрявой шевелюрой Павел. – И про вас ничего не спрашивала. Вообще, не похоже, чтобы она про-

мышленным шпионажем занималась. Честно работает, ошибается, как все новички. Да и сама вся такая...

– Какая? – Давыдов чувствовал, как в нём разжигается азарт охотника, но пока не придавал ему особого значения. – Говори, мне интересно твоё мнение.

– Бесхитростная, – вынес вердикт Суворов. – Ни грамма кокетства. Что думает, то и говорит. Нравиться всем подряд и манипулировать даже не пытается. Мужиками нашими перспективными не интересуется, сплетничать не любит. Я глобально отвык от чего-то подобного. Не женщина, а клад. Моя мама точно посоветовала бы на ней жениться.

– О, как, – рассмеялся Сергей. – Лихо. Уж не собрался ли ты последовать совету родительницы? А то смотрю, уже глаза горят, лыжи наостряются.

– Why not, как говорится, – Павел даже приосанился. – А то часики тикают. Я по меркам родственников давно старая дева. Не впустую же за ней шпионить? Кстати, мне продолжать или достаточно?

Сложный вопрос. С одной стороны, лезть в семейные проблемы Меркулова неэтично. А с другой, Алина могла маскироваться в первые дни, чтобы её не заподозрили.

“Нет, не могла, – подсказывала интуиция. – Весь её внешний вид и манера держаться вызывают сплошные подозрения. Вздумай она играть, выглядела бы и вела себя, как Зарцкая”.

– Отбой, боец. Отставить шпионаж.

– Есть, товарищ генерал, – шутливо отсалютовал Суворов.

Да, так будет лучше. Выдыхай, Давыдов. Среди крупных акционеров тоже встречаются порядочные люди, желающие помочь своим родным. А уж какие методы они выбирают – не твоё собачье дело.

Глава 6. Огурцы и подушки. Снова

Я жалела, что сама не додумалась до того, как можно уйти с работы и не отпрашиваться у Марины Эдуардовны. Даже пробовать объяснить ей ситуацию было бы глупо. Я и так знала, что услышу: “В моём отделе все работают одинаково. Я не потерплю поблажек даже для протеже акционеров! Тем более для них!” И не имело значения, что я не развлекаться иду, а провожаю маму к врачу. Так что идея Павла пришлась как нельзя кстати.

Я записала маму только утром. Ещё вечером свободного времени у нашего онколога не было, а потом кто-то передумал идти к врачу, и мне повезло “забить” освободившееся место. Славсья разработчик славного приложения медуслуг! Теперь не было необходимости звонить и ругаться с тётеньками из регистратуры, все манипуляции проводились в пару кликов. Единственное, что беспокоило – время записи. Я боялась не успеть, но вселенная помогла мне, разгрузив московские дороги. Маршрутка приехала ровно по расписанию, на всех перекрёстках горел зелёный, так что я бабочкой впорхнула на ступени крыльца больницы ровно в час пятьдесят пять. Пришлось даже подождать маму у стойки регистратуры. Она в последнее время ходила медленно, будто каждый шаг давался ей с трудом. Я видела, как раздражаются окружающие, и злилась. Неужели, не понятно, что человек

болен? Обязательно смотреть с такой злостью и осуждением?

– Прости, я опоздала? – спросила мама, целуя меня в щёку. – Зачем с работы отпрашивалась? Я бы сама как-нибудь.

– Ты не опоздала, а работа от меня не убежит, – я подала локоть, чтобы она могла опереться. – Начальница – золото, отпустила без проблем.

“Такое золото бы закопать, а карту от клада потерять”, – подумалось мне.

Злопамятная часть Алины Василевской не хотела прощать прохладный приём в первый рабочий день. В Марине вообще было нечто отталкивающее, агрессивное и злое. Как она не мучилась от изжоги, проглатывая свою ядовитую слюну? Загадка.

Миссия “добудь медкарту” прошла строго по плану. Мама забрала документ в регистратуре, и мы поспешили на приём. Поднялись на второй этаж, почти дошли до кабинета...

– Мне нужно отойти, – смущаясь, пробормотала она. – Подержи вещи. Я сейчас.

Передала мне сумочку, лёгкий плащ и толстую тетрадь. Да, лечились мы долго. На пару килограмм макулатуры точно насобирали. В каждый приём: жалобы, осмотр, рекомендации, а болезнь продолжала забирать у меня маму. Я ли стала желтоватые листы, отслеживая даты. Фотографировать абсолютно всё было бы неразумно. Я едва успела отснять записи за последние полгода. Старалась, чтобы фотографии

получались чёткими, не “замыленными”, хоть руки и подрагивали. Сто лет не врала матери. Наверное, со школы, когда прогуливала физкультуру. Теперь же приходилось скрывать помощь дяди, начальницу-стерву, план с европейскими клиниками. Столько всего!

– Подожди тут, – попросила мама, когда вернулась. – Ничего нового он всё равно не скажет. Добро, если какое-нибудь обезболивающее посильнее выпишет.

Она как в воду глядела. Пока я отправляла фотографии дяде Антону, онколог заверил подписью и печатью очередной рецепт. Спасибо моей сегодняшней удаче, всё получилось. Теперь нужно было возвращаться на работу. Я кое-как уговорила маму на такси, а сама побежала догонять маршрутку. Уже в дороге на мои фотографии пришёл ответ:

“Спасибо. Переводчику отдал, первые три клиники по её профилю нашёл. Позвоню, когда придёт ответ или будут хоть какие-то новости”.

Лёд тронулся. Моя надежда сияла ярче солнца.

До офиса “Арт-Строя” я доехала практически счастливая. Даже напевала что-то под нос, сгребая обратно в кучу разбросанные на столе листы. “Спасибо, Паша” – крутилось на языке, и тут я задела мышку. Монитор вышел из спящего режима. Суворов оставил в моём файле проекта готовые фотографии подушек для презентации. Настолько профессиональные и “дорогие”, что дух захватывало.

“Привет тебе от феи-крёстной, – написал он в поле “ком-

ментарий”. – Забирай свои хрустальные туфельки и готовься ехать на бал. Можем завести нашу собственную шутку. “Не бывает некрасивых подушек, бывают скучные фотографии”. Владей”.

Подпись он не поставил, но я в подсказках и не нуждалась. Поток восторга излился в чат смайликами и междометиями. Самой длинной фразой оказалась: “Спасибо, очень круто”. Потому что действительно было круто.

В ответ я получила виртуальный букет цветов и отпечаток поцелуя.

Черти принесли Царедворского к дверям офиса Арт-Строя как раз в тот момент, когда Сергей вспомнил, что подходит очередной дедлайн по проекту.

– Чтоб у твоего майбаха масло потекло, – ворчал директор, открывая файл с так и не исправленными колоннами, – чтоб твои ролексы внезапно проржавели. А ещё любовницы... Чтоб у них одновременно голова заболела!

– Сергей, – прокаркал заказчик, открывая дверь. – Доброго времени суток. Не отвлекаю? Приехал узнать, когда же финал нашей эпопеи. А то чувствую, “Дом-2” свою телестройку быстрее завершит, чем я въеду в загородный дом.

Шутки Давыдову сейчас заходили туго, но нужно было, если не ржать в голос, то хотя бы улыбаться.

– Ксении Собчак с нами нету и Ксюши Бородиной тоже,

так что должны управиться в срок. Приветствую.

Царедворский ростом был с Арнольда Шварценегера, а живот имел, как у Дени де Вито. В целом колоритный персонаж, если не считать совершенно заурядного стиля в одежде. Чёрный костюм, красный галстук в синюю клетку и тупоносые ботинки на шнурках. В многоэтажке “Арт-Строя” охранники одевались интереснее. Цветом и рисунком носков старались перещеголять друг друга. А заказчик дома с колоннами будто бы под дулом пистолета в примерочную заходил. Со стороны и не скажешь, что человек при деньгах. Тем более было удивительно, что он так придирчиво относился к декору интерьера.

– Присаживайтесь, – предложил гостю Сергей. – Чай, кофе?

– Сроки завершения, – продолжал хохмить Царедворский. – Можно без сахара.

– У нас оговорено, что если будут переделки, то сроки пересматриваются, – Давыдов настроился на битву. Много их таких, ушлых. Сначала сто-пятьсот правок, а потом: “Ну мне же к октябрю было надо”. – Мой архитектор рисует колонны. Я считаю разумным сдвинуть готовность фасада хотя бы на полтора месяца. Согласовать дополнительные расходы...

– Согласую, – перебил заказчик. – Но дай мне хоть что-нибудь, что я могу показать гостям. У тещи юбилей. Она хочет выездной банкет на моей лужайке. Жена хочет, а мне с ней спорить, сам понимаешь, себе дороже. Где благоустрой-

ство территории? Одни ёлки с газоном?

– Дорожки уже готовы, – с едва заметным выдохом облегчения ответил Сергей. – Беседку закончим за два дня.

– Полностью? – Царедворский хмыкнул, демонстрируя, что не верит.

– Да, с текстилем и вьющимися растениями.

Ох, и зачем было так отчаянно врать? Подушками занималась новенькая. Да, она принесла готовый проект, но Давыдов отправил его на доработку. Что будет, если заказчик заявит: “Хочу посмотреть?”

– А фотографии есть? Или я должен ориентироваться на старую визуализацию? Мы её забраковали, насколько я помню. Жена хотела индийский стиль. Чтоб с подушками, свечами и благовониями.

– Сейчас узнаю, – пообещал директор и потянулся к телефону.

Кого он обманывал? Пыль в глаза собирался пустить? Типа “у меня тут всё схвачено”. Сотрудники выдают фотографии несуществующего пока декора, как дрессированные собачки тапочки. Блин.

– Слушаю, – пропела нежным голосом Зарецкая.

– Марина, отправь, пожалуйста, ко мне Василевскую. Пусть возьмёт всё, что у неё есть по текущему проекту.

Блин, там же огурцы! Модный в советские времена узор, на который у большинства заказчиков возраста Царедворского стойкая аллергия. “Это фиаско, братан”. Допрыгался

ты, Серёжа, сейчас будет скандал. Слепить, что ли, “горбатого”? Быстро отправить новенькой смску под столом: “Исчезни куда-нибудь и час не появляйся?” А потом сидеть за столом и с выражением вселенской скорби на лице удивляться, да куда она подевалась? Заказчик тоже психанёт, но не так сильно, как на огурцы. А если получится заговорить ему зубы и перевести тему, то и без фотографий обойдётся.

Чёрт, у него нет номера племянницы Меркулова! А просить Марину о помощи чревато ужином при свечах в качестве благодарности. А-а-а-а-а!

– Вызывали, Сергей Геннадьевич? – улыбнулась Василевская, кокетливо поправляя шарфик.

Так, обошлась без дредов, пирсинга по всему лицу и наряда в стиле активисток движения Femen. Уже за это спасибо. А то с современной страстью у молодых девушек к самовыражению они часто теряли чувство реальности. В Арт-Строе, кстати, никто не возражал. Давыдов придерживался концепции свободы творчества. Но на согласовании проектов с заказчиками все сотрудники соблюдали негласное правило “выглядеть привычно”. Платье Алины с натяжкой, но соответствовало. Царедворский оглядел нового дизайнера с ног до головы и тоже не нашёл к чему прицепиться. Почему-то Давыдову это было особенно приятно.

– Алина, я понимаю, что живых фотографий нет, но, может быть, уже готова визуализация?

Образцы ткани в идеале, чтобы придирчивый заказчик

мог вдоволь их обнюхать и пощупать. Но на безрыбье и карась – щука.

“Пожалуйста”, – мысленно добавил Сергей.

– Я буквально только что всё загрузила в облако, – кивнула Василевская. – Собиралась зайти к вам после обеда. Образцы пришлю в течение суток. Понимаю, что долго. Но изделия будут пошиты вручную, с применением особых техник и материалов, заказывать которые нужно заранее.

Никогда ещё он с такой опаской не открывал рабочие материалы. Сначала в глаза бросилась удачная визуализация, а потом Давыдов внутренне закипел.

“Огурцы! Проклятые пейсли и проклятое упрямство девчонки!”

В глазах у неё читалось вчерашнее: “Наше вам с кисточкой, босс”. Ох, взять бы хвостину, задрать юбку и выпороть чью-то тощую задницу. Но нельзя.

“Дыши, Серёжа, – приказал себе Давыдов. – Жизнь – дерьмовая штука. Вместо своенравной девчонки хворостинной сейчас метафорически выпорют тебя”.

А и ладно, а и чёрт с ним. Царедворский прокричится и уйдёт. Зато племянница Меркулова на собственной шкуре ощутит, насколько опасно спорить с начальником. И можно будет с наслаждением заявить: “Ну я же говорил”.

– Что ж, хорошо, – неопределённым тоном ответил Сергей и развернул монитор к заказчику.

Ещё и мышку пододвинул, чтобы Царедворский мог ли-

стать картинки.

Минуту в кабинете стояло молчание. Оглушительно тикали часы на стене и сыто урчала кофеварка. Время пить кофе, сваренное по таймеру, но Давыдова тошнило от нервов.

– О, я знаю этот узор, – Царедворский ткнул пальцев в фиолетовый завиток пейсли и чуть на стуле не подпрыгнул от восторга. – У моей бабушки был такой халат. Тёплый фланелевый. А он разве индийский?

– Разумеется, – девчонка округлила глаза. – Советский Союз очень плотно сотрудничал с Индией. Как дань уважения в обиход ввели национальные индийские узоры. А помните мультфильм "Маугли"? Тоже жест дипломатической дружбы.

“Что она несёт? – беззвучно взвыл Давыдов. – Она смерти моей хочет”.

– Конечно, помню, – расплылся от удовольствия заказчик. – Наш, советский. Я любил его в детстве. Какие актёры там озвучивали героев. “Вы слышите меня, бандерлоги? – Мы слышим тебя, Каа”.

– Акела промахнулся, Акела промахнулся, – пропищала Алина, скосив взгляд на начальника. – Мультфильмом я и вдохновлялась.

– Прекрасно, – Царедворский обвёл монитор широким жестом. – Всё это очень уютно. По-домашнему. Делаем и как можно скорее. Где поставить закорючку, что я утверждаю эскиз?

– Я сейчас распечатаю форму, – выдохнув сквозь зубы, ответил Сергей. – Спасибо, Алина, дальше, как я понимаю, мы сами.

Заказчик довольно крякнул в ответ и проводил девушку взглядом сытого кота.

Нет, ну кто бы мог подумать, что он вспомнит про халат бабушки? А если Василевская расскажет о процессе согласования “огурцов” сотрудникам, то Давыдову не избежать прозвища “Акела”.

“Дурдом!” – злился он, но недолго.

Алина только что спасла ему встречу с Царедворским и сохранила пару сотен нервных клеток.

“И Пашин стиль в визуализации хорошо виден. Неужели Суворов всерьёз решил приударить за девчонкой?”

Глава 7. Портрет на Рублёвке

Богатые люди любят чёрные иномарки. Чем богаче владелец, тем чернее машина. Судя по степени тонированности стёкол присланного за мной автомобиля, моя заказчица была очень обеспеченной женщиной.

Водитель припарковался у подъезда и вышел, чтобы вежливо поздороваться и открыть для меня дверь.

– Какую музыку предпочитаете? – спросил он, когда мы сели в машину. – Классика, ретро, современная поп-музыка?

– Да всё равно, – я пристегнулась. – Включите на свой вкус.

Я не слушала то, что в итоге заиграло в салоне. В голове звучала песня Queen "We Are the Champions". Саундтрек вчерашнего дня. Чего стоило не рассказать Пашке, как лихо я уговорила клиента не вносить правки в эскизы. Надо же было додуматься до такого откровенного фарса. "Маугли" меня вдохновил, ага, как же!

Ох, а лицо Давыдова я всё-таки зарисовала, как только вернулась в кабинет. Сколько злости было в его глазах, когда он увидел треклятые "огурцы". И как потом удивлённо начальник смотрел на Царедворского! А ведь я боялась идти к заказчику со старыми наработками в новой обёртке. Такое зрелище могла пропустить!

“На этот раз вам повезло”, – сказал Сергей Геннадьевич.

И ни разу больше не заговорил со мной. Ни в лифте, ни по дороге к парковке. Поморщился, когда увидел, что за мной приехал дядя, но промолчал. Даже не кивнул на прощание. Надо же, как его задела моя маленькая победа! Жалко ему, что ли?

Почему-то мысль об обиде директора меня раздражала. Зудела, нудила и ныла. А такое настроение губительно для творчества. Не хватало ещё провалить новый заказ. Единственный за долгое время, между прочим.

Елена жила в элитном районе, где стоимость домов измерялась миллионами долларов. Мне было не по себе смотреть на роскошные особняки за высокими заборами. Слишком они огромные. Подавляющие. Но по-настоящему моя челюсть отвалилась, лишь когда чёрный автомобиль затормозил возле архитектурного шедевра. Дом Елены органично вписывался в небольшой холм, смотрел балконами на все стороны света и фасадом напоминал нечто среднее между жилищем Бильбо Бэггинса и охотничьей заимкой. Ругаться хотелось от восторга. Кто бы ни был архитектором, он потратил не один месяц, чтобы сотворить такую “конфетку”.

“Боже, Алина, – сказала я себе. – Ты чем-то не тем занимаешься в этой жизни. Нет, чтоб забабахать бизнес и въехать в такой дом, ты портретики рисуешь”.

Но порыв превратиться в бизнесвумен сдулся на взлёте. Уж слишком я любила аромат масляной краски и то, как кисточка скользила по холсту. Сдохну в нищете, а призванию

ни за что не изменю.

Работа в Арт-Строе не в счёт. Там я ради мамы.

Меня встречала хозяйка дома лично. Почему-то казалось, что на крыльцо выйдет чопорный дворецкий, а Елена будет сидеть в гостиной у камина с бокалом вина, раздражённо обмахиваясь веером. “Где её носит? Почему так долго?”

Но нет, моя заказчица не была похожа на классических богатеньких дамочек. Она улыбалась вполне искренне. Не только губами, но и глазами, а это уже – большая редкость. Моя мама умела так же. Всегда светилась изнутри. Пока не заболела.

– Добрый день, – поздоровалась я, забирая у водителя этюдник. – Прошу прощения, пришлось постоять в пробке.

– Да не переживайте, – она махнула рукой. – Вы даже не опоздали. Мне просто не терпится начать!

“Мне тоже”, – мысленно ответила я и улыбнулась заказчице, но коленки всё равно дрожали от волнения.

Как-то однокурсник рассказывал, что на практике в одной серьёзной фирме его отправили на заказ. Солидный мужчина лет пятидесяти попросил установить в гостиной скульптуру унитаза. Разумеется, золотого. Хотелось ему продемонстрировать друзьям, на чём именно заработано такое богатство. Пришлось молодому дизайнеру кивать и рисовать эскизы своеобразного трона. Интересно, он вдохновлялся финской или итальянской сантехникой?

И вот я заходила в дом с диким страхом, что увижу нечто

подобное. Испортить впечатление от потрясающей внешней отделки какой-нибудь вычурной безвкусицей – почти преступление. Слава богу, Елена маньяком не была.

Интерьер отражал общее настроение архитектуры. Тепло, уют и атмосферу охотничьих домов где-нибудь в альпийской деревне. Деревянная мебель, стены, выложенные серым камнем, огромное количество света и цветы в кадках...

– У вас отличный вкус, – я осмотрелась в поисках удобного места. – Очень красиво.

– Многие придумала сама, но не обошлось и без руки специалиста, – призналась заказчица. – Чаю?

– С удовольствием, – улыбнулась я. – Но сначала выберем место, где вы будете позировать и набросаем парочку скетчей. Нужно определиться с позой и фоном. Это кажется неважным, но многое зависит от подготовительного этапа.

– Совершенно с вами согласна, – Елена поправила палантин на плечах и жестом пригласила меня следовать за ней. – Как раз думала, куда лучше сесть. Оксаночка, сделай нам чай, пожалуйста.

– Хорошо, Елена Станиславовна, – отозвался кто-то справа от меня, но исчез раньше, чем я успела его разглядеть.

– Может, у камина?

Заказчица взялась за ручку плетёного кресла-качалки и пододвинула его ближе к настоящему очагу. Никаких электрических обогревателей с нарисованным пламенем. Глубокая печь, решётка и дрова, сложенные аккуратной полени-

цей. Но остатки золы я всё-таки разглядела. Камином пользовались. Правильно, весной в таком огромном доме всё-таки холодно, а на дворе раннее лето.

– Мне нравится, – я отошла от Елены на несколько метров и покрутила в голове образы.

Заботливая бабушка, которая вяжет внуку шарф? Ммм... Нет. Утончённая дама с бокалом вина? Тоже мимо! – У вас есть свитер с крупной вязкой и какая-нибудь атмосферная книга?

– Анатомический атлас, – слегка смущённо ответила заказчика. – Или Гостищев с его общей хирургией. У нас в семье в основном такая литература.

– Так даже лучше, – закивала я. – Искусство тем и отличается от фоточек в Россграме, что показывает мир таким, какой он есть.

– Тогда мне нужно переодеться, – улыбнулась Елена и ушла, оставив меня выдвигать телескопические ножки старого этюдника.

Готовилась я не торопясь. Настраивалась на творческий процесс, постепенно вытесняя из головы лишние мысли. Идеально было бы зажечь интерьерные свечи и положить на подставку дымящуюся палочку. Воскурить благовония, как это правильно называлось. В процессе крылся особый смысл. Я верила, что призываю в помощь четыре стихии. Огонь – свечу, воздух – дым, воду – акварель и землю – масляные краски. Соединяясь во мне, как в пятом элементе, они

помогали видеть то, что люди обычно прятали глубоко в душе, и деликатно вытаскивать это на бумагу.

– Добрый день, – поздоровался за моей спиной грубый мужской голос.

Я вздрогнула, втянула голову, но мантия-невидимка от этого на плечах не появилась. Незнакомец продолжал сверлить мне взглядом спину. Ага, я вся такая из себя воровка. Стою тут, возле этюдника, и кисти протираю. Каждый уважающий себя вор, прежде чем спереть золотой унитаз из дома на Рублёвке, просто обязан его нарисовать.

– Простите, если отвлекаю от работы, – продолжил мужчина, – но мне сказали, что Елена Станиславовна здесь.

– Она ушла за Гостищевым, – пискнула я, как мышка, чувствуя, что от стресса мой язык начинает молотить чушь. – Ещё за свитером...

– А вы не похожи на дизайнера, – рассмеялся незнакомец и я, наконец, вышла из ступора ровно настолько, чтобы чуть-чуть повернуть голову. – Он бы сказал “лонгслив”. Или свитшот, я не разбираюсь.

В дверном проёме стоял второй Аполлон в чёрных джинсах и пуловере из пушистой шерсти. Такой же ослепительно привлекательный, как мой начальник. Широкий подбородок, взгляд с поволокой, брутальная небритость. Марина Эдуардовна, глядя на него, тут же забыла бы про Давыдова и переключилась на новую жертву. А мне хотелось ворчать сквозь зубы.

“Где-то на твоей улице, Василевская, перевернулся грузовик с красавчиками. Иначе как объяснить их обилие в твоей жизни? Вот правда, то не клюёт, то косяками”.

– Я художник, а не дизайнер, – пробормотала я. – Для нас важнее суть, чем красивые слова. Свитер не перестанет быть свитером, если его обозвать свитшотом. А вы...?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.